
ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

А. Ю. КАРПОВ

ПО ПОВОДУ ПРОЧИТАННОГО

Причина, побудившая меня взяться за перо, – рецензия историка А. А. Казакова на книгу А. И. Плигузова «Преподобный Иосиф Волоцкий: послания, “просветитель”, жития» (М.: Квадрига, 2020). Рецензия эта опубликована в журнале «Историческая социология и психология истории» (2020. Т. 13. № 2. С. 214–218). Тон рецензии и, главное, ее содержание показались мне неуважительными по отношению к выдающемуся исследователю русского Средневековья, каким, несомненно, был ушедший от нас десять лет назад Андрей Иванович Плигузов (1956–2011).

Следует сказать, что рецензия вообще выдержана в довольно редком жанре. Это не столько полемика с ушедшим из жизни историком – дело заведомо не слишком благодарное, сколько полемика с издателями книги, в вину которым ставится именно и прежде всего... сам факт ее издания.

Рецензент, кажется, готов примириться с тем, что в книге переизданы статьи покойного исследователя, в том числе и потому, что прежде они публиковались в изданиях, «которые по своему техническому исполнению оставляли желать лучшего» (увы, справедливое замечание по поводу многих научных сборников 1980-х – начала 1990-х гг.). Хотя претензии, или, лучше сказать, придирки, звучат и здесь: так, по существу в вину издателям ставится то, что работавший в советское время автор использовал советские же наименования библиотек и архивохранилищ; то, что в книге нет отсылок к современным работам, появившимся уже после смерти автора; в укор не то автору, не то издателям ставится и то, что трудившийся в конце 1970-х – 1980-е гг. А. И. Плигузов не называл в своих статьях Иосифа Волоцкого преподобным, а в заголовок кни-

ги вынесено именно: «Преподобный Иосиф Волоцкий» (хотя не сомневаюсь, что будь Андрей Иванович жив, он назвал бы книгу именно так).

И все же едва ли не самая большая претензия рецензента – к составу и жанру сборника. А именно к тому, что покойный «при жизни так и не создал сколько-нибудь целостной биографии» Иосифа Волоцкого (что, увы, чистая правда); издатели же позволили себе собрать отдельные работы автора и озаглавить сборник указанным образом, что, как кажется рецензенту, может ввести в заблуждение неподготовленного читателя, который «вправе ожидать рассказа о жизни и подвигах волоцкого игумена» и вообще едва ли способен уяснить содержание книги «без специальной подготовки». (Хотя при тираже заведомо научного издания в 500 экземпляров можно рассчитывать на то, что книга обращена именно к тем, кто, по словам рецензента, «довольно глубоко» погружен в тему или хотя бы надеется «погрузиться» в нее по возможности глубже.) Удивительно, но в прямую вину издателям сборника ставится то, что, казалось бы, надо признать их заслугой, – а именно то, что составитель взял «на себя смелость свести достаточно разнородные тексты» (используется термин «механическая подборка») «под одной обложкой», и это притом что все эти тексты так или иначе связаны с фигурой преподобного Иосифа, а многие из них впервые публикуются в сборнике – по машинописным оригиналам из архива А. И. Плигузова или Археографической комиссии РАН.

Рецензент считает необоснованным и вызывающим удивление факт публикации в сборнике дипломной работы А. И. Плигузова, защищенной еще в 1979 г. в Новосибирском университете. Но в том-то и дело, что своей ценности работа эта не утратила и по сей день. Хотя бы потому, что именно в ней приведен наиболее полный на сегодня разбор рукописной традиции, связанной с именем Иосифа Волоцкого, с указанием списков, выявлением редакций и т. д. Можно соглашаться или не соглашаться с теми или иными выводами ученого (изложенными им в монографии «Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия» [2002] и отдельных статьях), с его концепцией складывания главного труда Иосифа – «Книги на еретиков», но понимать, на какой основе сделаны его выводы, по-видимому, необходимо. А именно такую возмож-

ность – впервые! – дает настоящее издание. Да и делать какие-то новые выводы, опровергать те или иные положения работы А. И. Плигузова желательнее с привлечением всей совокупности рукописной традиции сочинений Иосифа и его последователей и противников. Но это как раз и раздражает рецензента. По крайней мере, такое впечатление складывается при чтении его текста. Выражения «археографические штудии», «археографические разыскания» в контексте его рассуждений звучат чуть ли не с оттенком пренебрежения. «Однако для издателя главное, – цитирует рецензент предисловие к книге, – в том, что “новосибирский дипломник сумел привлечь и внимательно изучить более 250 списков из рукописных собраний” нескольких архивохранилищ... Судя по этому заявлению, археографические штудии являются не только необходимым, но и достаточным условием ученой реконструкции жизненного пути средневекового святого... Да и не является, собственно говоря, количество изученных рукописей гарантией корректности выводов...»; и т. д.

Последнее, конечно же, верно. Хотя верно и то, что «археографические штудии» являются необходимым условием научной работы, особенно когда речь идет о сюжетах, связанных со средневековой русской историей. Но раскроем секрет: чуть выше приведенной в рецензии цитаты в том же предисловии имеется вполне корректное, на мой взгляд, замечание издателей, обосновывающих научную состоятельность публикуемого ими текста: «...достаточно сказать, что вполне качественная кандидатская диссертация на близкую тему, защищенная в МГУ в 2019 г., написана на базе двух десятков московских списков из Волоколамского собрания РГБ...» (и это, повторюсь, в сравнении с более чем 250 списками, привлеченными А. И. Плигузовым в 1979 г.!). Так вот, как выясняется, речь в предисловии идет о диссертации самого А. А. Казакова. Не сомневаюсь, что, написанная через 40 лет после работы А. И. Плигузова, она представляет шаг вперед в изучении иосифлянкой проблематики. Но негоже, на мой взгляд, пренебрежительно относиться к предшествующей работе, тем более выполненной на значительно более широкой источниковедческой базе.

«Конечно, небрежное отношение к текстам, тем более чужим, довольно распространено в научной среде...» – это слова самого

рецензента, сказанные, правда, по несколько иному поводу. Но не к нему ли самому их можно отнести?

Особенно обидно мне читать это потому, что я знал Андрея Ивановича, общался с ним и сумел оценить его масштаб как историка. Думаю, что несколько не преувеличу, если скажу, что его тяжелая многолетняя болезнь, а затем и безвременная смерть стали трагедией для исторической науки, лишив нас многих и многих сильных и оригинальных исследований. И издание, хотя и с опозданием, его ранних трудов можно только приветствовать. А составителю сборника (им является близкий друг покойного И. А. Тихонюк, сам много лет занимающийся русской публицистикой XV–XVI вв.) остается лишь сказать за это спасибо.